

ОТЗЫВ

оппонента Закса Л.А. на диссертацию Валерии Николаевны Ивановой
«Проявление синергии в социокультурной действительности»,
представленную на соискание ученой степени кандидата философских наук
по специальности 5.7.1. Онтология и теория познания

Бывают диссертации, в которых при актуальности темы всё столь правильно и «гладко», что быстро понимаешь вторичный, ученический характер работы, и читать ее, реагировать на нее становится скучно. Диссертация В.Н.Ивановой – «обратный» случай. Ее предметное поле не просто актуально – это в каком-то смысле передовой край, зона новых и острых проблем онтологии, тесно связанных как с развитием естественных и социогуманитарных наук, так и с особенностями современной социокультурной жизни человечества. И в эту зону диссертантка вошла, с одной стороны, с хорошим философским и общекультурным бэкграундом, а, с другой стороны, смело, бесстрашно берясь за трудные вопросы с позиций собственного их понимания, предлагая свое прочтение предпосылок, путей и ответов на дискуссионные вопросы. В итоге получилась интересная творческая работа, сочетающая авторский выбор и осмысление философских традиций с креативными идеями современной философии и собственными, давшая полезные результаты, но содержащая и множество дискуссионных моментов разного масштаба. И эти моменты (во всяком случае, многие из них), на мой взгляд, тоже свидетельствуют о творческом потенциале и философской субъектности В.Н.Ивановой.

И тут считаю своим почетным долгом отметить большую роль в успехе работы В.Ивановой ее вдохновителя и научного руководителя – талантливого философа и педагога, доктора философских наук, профессора Владимира Александровича Конева, к большому сожалению, ушедшему из жизни незадолго до защиты диссертации В.Н.Ивановой. Светлая благодарная ему память!

Переходя к анализу и оценкам диссертации В.Ивановой, выделю основные содержательные проблемные ее «узлы» (определившие и основные большие ее части). Общее объектное «поле» работы – социокультурная действительность (сама автор, по-моему, определила «свой» объект слишком широко: «бытие в его различных проявлениях» – с.7 диссертации, с. 6 автореферата). И в этом поле (на разнообразном, весьма богатом, социокультурном, историческом, историко-философском, историко-художественном материале) автор выделила три важнейших предметно-проблемных «узла» (мой условный, удобный для фиксации содержания работы термин).

Первый и главный, определивший предмет исследования и авторскую концептуальную логику, теоретико-методологический подход работы (и содержание ее первой главы): феномен синергии, имеющий большую

(тщательно и содержательно представленную и обдуманную В.Н.Ивановой) историю своего осмысления от библейских текстов и христианской теологии до современной синергетики (И.Пригожин, Г.Хакен и др.) и, по мнению автора, коррелятивной с ней, растущей из той же социокультурной почвы, под влиянием тех же ее особенностей современной постнеклассической философии (Ж.Делёз, Ж.Деррида, Ж.Бодрийяр, Ж.-Л.Нанси, А.Бадью).

Второй «узел» (реализованный во второй главе): проблематика *события* как социокультурного феномена, имеющего, по обоснованному мнению автора, особую, «неклассическую» онтологию, во многом определенную его синергийной (я бы сказал, синергетической – об этих моих расхождениях с В.Ивановой в терминах и стоящих за ними концептуальных несогласиях речь далее) природой.

Третий «узел» (содержание третьей главы): проблематика *произведения искусства* как социокультурного «синергийного» феномена (здесь же и «синергийность» самого творчества).

Все три «узла» – три главы полны живой, подлинной актуальности и достоинств, читаются с большим интересом, будят мысль, стимулируют интеллектуальное сотворчество, при этом вызывают не только на диалог-согласие, но и, прямо по Бахтину, на диалог-спор. Я и построю свой отзыв как последовательную реакцию на эти «узлы», в моем сознании (как и в самой работе) неизбежно местами смыслово пересекающихся. Выделяя в содержательном тексте В.Н.Ивановой и в своей реакции (как позитивной, так и полемической) только самое значимое для себя (возможность многостороннего обсуждения диссертации и проблем, ею поднятых, далеко выходящего за рамки оппонентских функций – еще одно доказательство ее высокого качества, насыщенной значимой информативности и креативности).

Итак, глава первая «Идея синергии как инструмент анализа социальной и культурной жизни». Автор здесь разбирается с феноменом синергии и его осмыслением в истории культуры. Два параграфа главы – два качественных историко-теоретических очерка об эффекте синергии от первых библейских и раннехристианских теологических его манифестаций до современной ситуации в философии и науке, связанной с появлением науки синергетики и радикальными изменениями в философском (неклассическом, а потом и постнеклассическом) видении действительности и понимании новых реалий и целей философской онтологии. Историко-философский анализ «судьбы идеи синергии» в истории культуры, детальный, аналитически точный, по моему, не только интересен, весьма полезен и для научных целей, и для целей педагогических, но и эстетически хорош! Парадигмальные сдвиги в онтологии и их связь с рождением синергетической парадигмы в науке осмыслены автором весьма убедительно и ее анализ, несомненно, имеет научную и мировоззренческую ценность.

Внутри же этого обширного, содержательного, аналитического в своей доминанте нарратива В.Н.Ивановой есть тонкая непростая проблема, острота которой, на мой взгляд, не заслоняется масштабом и качеством историко-философского материала, качеством его анализа. Это вопрос о соотношении с библейских времен известного явления *синергии* и современной науки *синергетики* с определившимся кругом ее основных тем и идей (диссипативные системы, их внутреннее разнообразие, сложность и неопределенность, диалектика хаоса и порядка и специфические механизмы самоорганизации-самоупорядочивания таких систем).

В.Н.Иванова бросает смелый вызов давно сложившемуся авторитетному мнению, даже убеждению, о существенных различиях синергии и синергетики и о том, что их никак не стоит смешивать и даже соединять. Для нее синергетика – это результат долгой эволюции в осмыслении синергийности. А в сегодняшней картине мира синергийность – неотъемлемая часть «синергетического движения». Поэтому она сразу решительно отождествляет термины-эпитеты «синергийный» и «синергетический», в частности, «синергетическую парадигму» и «синергийную парадигму» (напр., с.5). И уже в первом же положении, выносимом на защиту, В.Н. дает «в стык», одно за другим, религиозно понятую синергию и родившуюся два тысячелетия спустя синергетику (см.с.9), утверждая этим, что вторая есть историческая родственница и преемница первой. В конце первого положения это же подтверждается прямым текстом: «На основе понятий, введенных синергетикой, и проблем, поднятых философией XX века, утверждается новая значимая для гуманитарных наук методология, которая стремится увидеть мир сквозь призму понятия синергия» (там же). В дальнейшем, рассматривая событие и произведение искусства, автор интерпретирует эффекты синергии в их структуре и существовании как выражение их синергетической природы. О возможности синергии в ее традиционном понимании за пределами синергетических систем автор больше не говорит.

Я, признаюсь, был поражен смелостью автора, но безоговорочно признаю ее право на сомнение и на вызов устоявшимся представлениям. Сомнение полезно в науке само по себе, а если оно помогает движению в сторону обновленной истины, то ценно вдвойне. Полезен и отрицательный результат. Должен признаться, что мне попытка Ивановой пересмотреть разведение указанных феноменов не представляется успешной.

Если коротко, то суть дела представляется в следующем, «не замечаемом» В.Н. Во-первых, автор «не заметила», что у синергетики свои, и существенно иные основания, чем у традиционной синергии. Последняя ориентирована исключительно на единство и порядок, тогда как для синергетики столь же важен и антипод порядка – хаос; автор разводит понятия порядка и хаоса (через, напр., событие и происшествие), тогда как синергетика их связывает воедино, а древнюю идею синергии превращает в гораздо более сложный концепт-идею системности. И это мое «во-вторых»:

В.Н. почему-то пропустила, проскочила важное логическое звено в предметной зоне ее картины мира и темы: она практически обходится без «системы», «системности», системного подхода, идеи системных качеств. Между тем, традиционная синергия – необходимый аспект любой, не только «синергетической», системы. Речь об эффекте, имеющем место в системных объектах. Возникающем именно благодаря системности разноприродных и разноструктурных компонентов и их работы (функционированию). Системность объектов (она же со-организованность, онтофункциональная сопряженность их компонентов) – онтологическое основание любых внутрисистемных эффектов: возникновения системных качеств, синергических эффектов, но также и напряжений, и противоречий в рамках системного целого. Автор об этих сторонах ничего не говорит. И это «умолчание» – предпосылка для идеализации картины, как в необходимом смысле, так и в негативном, искажающем объективную реальность.

В любом случае, понимание общесистемного характера синергии как сопряжения и синтеза взаимодействующих элементов, структур и сил/энергий позволяет понять ее далеко не полное совпадение (тем более, нетождественность) с синергетическими системами и процессами, где силы порядка сложно связаны с силами хаоса, а сам порядок наступает/обретается далеко не только прямой синергией (о чем, кстати, вполне определенно написано и у нашего автора: один из ее вполне заслуженно выделяемых и чтимых синергетических героев – аттрактор). На мой взгляд, автору не хватило «подробностей» и в рассмотрении самих синергетических (диссипативных) систем: синергия с ее упорядочивающими и синтезирующими эффектами заслонила от В.Н. уже мной названную «вторую сторону» синергетической реальности: ее множественность, внутреннее разнообразие, нестабильность и, отсюда, имманентность ей сил и эффектов хаоса, играющего – с точки зрения синергетического понимания эволюции и самоорганизации – отнюдь не только негативную роль. (В скобках замечу, что «подсказки» адекватного видения проблемы содержались в работах современных российских философов, на которых В.Н. широко ссылается во втором параграфе первой главы – но эти идеи и метаидеи Аршинова, Свирского и других в данном случае автору, очарованному традиционным видением синергии, не помогли).

Недостатки неправомерного сближения синергии и синергетики, «абстрагирование» от общесистемных закономерностей, общесистемных свойств и проблематики и одностороннее (явно под влиянием доминанты идеи традиционной синергии) понимание самих синергетических систем сказались и на в целом весьма хорошо исполненных второй и третьей главах диссертации.

Вторая глава «Синергический аспект концепта событие» посвящена феномену события и событийности как синергетическому процессу (при этом, к сожалению, В.Н. повсеместно употребляет термин «синергический» вместо тут необходимого «синергетический»). На мой взгляд, это наиболее

успешная и плодотворная часть работы В.Н.Ивановой. Великолепны исторические очерки о предтечах современного «событийного» подхода (А.Бергсоне, Б.Расселе и А.Уайтхеде, М.Хайдеггере, М.Бахтине, создателе синергетики И.Пригожине). Сам этот подход совершенно верно оценивается диссертанткой как важное проявление эволюции онтологических представлений, их поворота от абстрактных универсалий (или универсальных абстракций) к бытийным единичностям и «конкретностям» («сингулярностям»). Что, как уже сказано, идет параллельно становлению синергетики и общенаучной синергетической парадигмы и не без их влияния. Мне показались менее интересными очерки о современной «философии события». Изложению взглядов Ж.-Л.Нанси и А.Бадью, на мой взгляд, не хватило здоровой критичности, которая позволила бы заметить много банальностей и, мне показалось, философского пустословия (особенно у Нанси). Из обзора В.Н., к сожалению, выпала теория события Славоя Жижека, гораздо более существенная, чем у названных авторов, и оригинально изложенная этим весьма остро мыслящим автором. Зато по достоинству оценены и потом использованы в «экспликации» и трактовке события у В.Н. наработки Ж. Делёза.

Меня в целом убедила авторская интерпретация самого феномена события, его системности и сингулярности, его «свершаемости» и влияния на дальнейшее состояние и эволюцию систем. Интересной и доказательной выглядит и предложенная В.Н. структура события как динамического онтологического явления: ситуация, идея, власть/сила.

И все же не со всем у автора в его трактовке события я согласен. Так, очень обстоятельно и в основном убедительно В.Н. показывает «диалектику»: единство и противоположность «происшествия» (предметной основы события) и самого события: конкретно-целостной бытийственной и уже ценностно-смыслово концептуализированной культурой единичности. Но (как я отметил выше: в результате односторонности понимания «синергетичности») среди важнейших отличий одного от другого автор называет и это: «Используя синергетическую методологию, диссертация трактует происшествие как состояние хаоса, а событие как установление порядка бытия» (выносимый на защиту тезис 3, с.10). С этим невозможно согласиться: синергетичность событий проявляется, в том числе, и в постоянном присутствии хаоса в структуре событий, в частой (если не всегдашней) смысловой неопределенности события – прямом следствии его внутренней сложности и хаотичности. Поразительно: приводимые В.Н. примеры событий (примеры классические и яркие: Полтавский бой у Пушкина, Бородинское сражение у Л.Н.Толстого) рельефно демонстрируют и хаос как атрибут события (не происшествия! Великие воссоздатели событий уже придали им форму уникальной здесь и сейчас свершаемой и свершающей изменения мира единичности = концептуализировали ее, но внешнее «оформление», или, если по Бахтину, «завершение», отнюдь не устранило из этого смыслообраза-события его органической хаотичности).

Если бы я не опасался отнять много времени у процедуры защиты, я бы еще поспорил с такими характеристиками события, по В.Н.Ивановой, как его «беспричинность»: «Также невозможно выделить то, ради чего событие существует, его благо, цель и его конечную причину» (с.93 и след.) (по мне, тут неклассическая сложная причинность, в которой «почему» тесно связано с «зачем», телеологическим основанием, а гуманитары отвечают на этот вопрос во всех сферах: например, юристы, историки, психологи, экономисты, политологи). И интересно прописанная «идея» как компонент структуры события тоже в каких-то характеристиках небесспорна. Так, В.Н. говорит о ней как об эквиваленте хаоса (с. 102). С этим трудно согласиться! Идея – предшественница порядка, но она не хаос. Она именно напряжение возможного и пока виртуального порядка, обращенное к ситуации как зов и стимул. Иначе говоря, идея – это аттрактор! Универсальный аттрактор творчества любого типа и степени. Начало и пусковой механизм преобразования реальности: ее переустройства и переорганизации.

И напоследок, видя, как трудно выбрать среди множества философских описаний определение события, я бы хотел напомнить простое и точное «позитивистское» определение события, данное не философом, но зато Ю.М.Лотманом: событие – значимое изменение. По-моему, очень верно сказано. И работает отлично в гуманитарных науках.

Третья глава «Синергия в произведении и творческом акте». Под произведением понимается произведение искусства. Автор стремится показать «синергийность» (и заодно – событийность) как произведения, так и творчества. И их единство, как и синергию-единство автора и реципиента произведения. И честно признаюсь, что меня (может, потому, что моя основная научная специальность – эстетика) эта, по сути, эстетическая глава устраивает менее всего. Нет, и в этой главе встречаются верные наблюдения, точные характеристики и обобщения, яркие примеры. Сама автор показывает (на всем протяжении работы и в данной главе тоже) великолепную художественную эрудицию, отличный художественный вкус и тонкое понимание искусства разных эпох. В главе второй, в работе с событиями ее художественная интуиция точней и верней иных ее рациональных суждений. А в третьей главе этих предпосылок оказалось недостаточно. В сущности, все недостатки предложенного автором видения, включая выбор «не тех» опор для своей концепции, имеют одну общую причину: автор фактически взялась «изобретать велосипед», или, другой вариант, «открывать Америку», хотя это давно и совсем неплохо сделано другими людьми. Люди эти – философы-эстетики. Их наука – эстетика. И она давно и хорошо раскрыла, описала и объяснила (нередко в союзе с другими гуманитарными науками, скажем, психологией и семиотикой) то, за что взялась в своей работе диссертантка. Оказалось, что с эстетикой она знакома явно недостаточно. И поэтому В. Н. опирается на авторитетных для нее и весьма уважаемых философов и ученых, но далеких от эстетики, говорящих об искусстве либо исходя из общих соображений (как замечательный философ культуры В.С.Библер), или тоже

изобретающих, и не лучшим образом, велосипед (как выдающийся и особо чтимый В.Н. Жиль Делёз). Отсюда, досадные «приблизительности» большинства собственных концептуальных идей В.Н. относительно искусства, на мой взгляд, не помогающие, а в ряде случаев просто мешающие показать и доказать искомую диссертанткой синергичность в искусстве. Чтобы сэкономить пространство и время, изложу свою позицию «разом», выделив основные идейные просчеты каждого из трех параграфов третьей главы.

Главный, на мой взгляд, недостаток методологии всей главы, весьма заметный уже в первом ее параграфе «Общие замечания о синергичной природе произведения» (по мнению самого автора, в нем определяются сущностные черты произведения искусства). Автор сразу же говорит о произведении искусства как феномене и событии культуры. Я большой сторонник культурологического подхода к искусству. Но предпосылкой такого подхода (тем более, суждений о «сущностных чертах произведения») необходимо выступает понимание особой социокультурной миссии искусства (его «назначения», или генеральной функции) и определяемой ею системной специфики искусства, всех звеньев его коммуникативно-деятельностной структуры: творчества – произведения – восприятия. В.Н. делает акцент на связи (синергии) творца и воспринимающего в искусстве. Но ради чего и как они связаны? На чем строятся утверждения автора об их духовной синергии? И не менее важный вопрос: чем в искусстве это единение обеспечивается? О специфике искусства почти не говорится. О его образной (нематериальной) душе – тоже. Почему-то и тут, и в параграфе 3 акцент делается на материально-предметной стороне произведения. Правда, в первом параграфе от представления о произведении как материальном продукте творчества автор отталкивается (но альтернативного художественного понимания произведения не предлагает – ограничивается абстрактно-культуральным). А вопрос о синергичности произведения, по сути, выносится за его пределы: речь, повторю, о единении посредством произведения автора и реципиента. А что для этого делает само произведение? Чем оно обеспечивает синергию двух субъектов? Тут ведь само собой напрашивается обращение к внутреннему устройству самого произведения. Эстетика дает ответ на этот вопрос. Но он не востребован автором в данном параграфе. Возврат происходит в третьем параграфе. О нем после второго.

Второй параграф ищет основы синергии художественного творчества. Это само по себе верная постановка вопроса. Меня совершенно не устроил ответ. Он не изобретен автором, а заимствован у Делёза. И может устроить только тех, кто плохо себе представляет внутреннюю сложность искусства и его же органическую системность. Автор, как уже говорилось мной по другому поводу, не оперирует понятием системности. И здесь об имманентной системности искусства речь не идет. Но есть гипотеза синергичности творчества – откуда ей взяться? Ответ дает Делёз: дело в априорной способности целостного чувственного созерцания различий (названной Делёзом *spatium*). Это, по мнению автора диссертации, прямо-таки волшебная

способность. Но все же она касается только чувственной стороны осваиваемой искусством реальности. Это явно вариант старой версии об эстетической сущности искусства. И способность очень напоминает эстетический вкус. А его, при всем его значении, по современным представлениям об искусстве, явно недостаточно для того мощного духовно-психологического предметно-ценностного синтеза, какой дает нам творчество, воплощает и хранит произведение. Помни о нем В.Н., и ее бы не удовлетворила гипотеза Делёза. Я много лет занимаюсь этим вопросом. Это вопрос не одной способности. Речь об особом типе культурного сознания: художественном сознании. И оно – чтобы соответствовать сложной миссии искусства – представляет из себя сложную систему разноуровневых и разносубстратных систем. И вместе они образуют суперсложную ментально-духовную систему художественного сознания, умеющего производить и объективировать сложный информационно-психолого-семиотический (а по содержанию – охватывающий все содержания духовной культуры и коллективной психологии) синтез – синтетический художественный образ мира. А ему в помощь – столь же сложно устроенное, внутренне уже синергичное, как и первое, художественно-языковое сознание и сами языки искусства, в каждом «атоме» которых – целостность и синтез разнообразия.

Об этом в третьем параграфе В.Н. рассуждает в пределах известного, но осмысленно, точно и интересно. Только почему-то «заходит» на эту сторону дела/произведения с чисто технической стороны, стороны внешней материальной формы. И ключевым словом оказывается совершенно механическое по значению слово «сборка». Ищется синтез, но ищется там, где живет телесная знаково-текстовая основа синтеза, феномен структурный, но сам по себе не синергичный. Синергия рождается в сознании и реализуется в идеальном «веществе» и хронотопе художественного образа. Почему служебная, материально-технически реализующая синергию художественного сознания и сотворенного им художественного мира «сборка» стала главным героем параграфа о рождении синергии в произведении, совершенно непонятно и нерелевантно. Пусть не обидится на меня наша способная и создавшая в целом серьезную творческую работу диссертантка, но в данном случае ее объект – искусство ускользнуло от нее. Осталось только ремесло делания «вещи» = пресловутая «сборка».

Но пусть мой критический пассаж не смутит уважаемый совет и Валерию Николаевну Иванову. Я высокого мнения и о диссертации В.Н., и о ее творческом потенциале и профессиональной культуре. Работа В.Ивановой – пример творческого подхода, смелого ответа на сложные вызовы современной социокультурной реальности и самой философии. Это самостоятельное, законченное, обладающее несомненной теоретической, мировоззренческой и методологической ценностью исследование весьма сложных и очень актуальных проблем нашего мира и нашей науки. Оно полностью соответствует научной специальности 5.7.1 Онтология и теория познания по

философским наукам. Оно также соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в УрФУ.

Валерия Николаевна Иванова, несомненно, достойна ученой степени кандидата философских наук, и я прошу диссовет проголосовать за присуждение ей этой ученой степени.

Закс Лев Абрамович
ректор АНО ВО «Гуманитарный университет»,
доктор философских наук,
профессор

620041, Россия, Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, д. 3, оф. 222
email: rector@guniver.ru; +7 343 305 50 75

24 октября 2024 г.

Подпись Л.А. Закса заверяю
Начальник отдела делопроизводства
АНО ВО «Гуманитарный университет»
Н.Е. Солунова

